

РОМАНОВ И ГИДАР ИГОРЬ РОМАНОВ И ИРИНА ГАЙДАР. ГОСТИ ИЗ НАСТОЯЩЕГО

Москва, декабрь, 1999. - Сентябрь - с. 10.

Холодные огни утреннего Петербурга. Как обычно, Московский вокзал, как обычно, по соседству Невский, на котором я должен был пересечься с двумя милыми сердцу людьми. Единственное, что было необычным, так это время суток, выбранное для нашего randevu. Ведь следуя русской семантике, встретиться где-либо можно только "в один из дней" или "в один из вечеров", но никак не в одно из самых прекрасных времен суток - а именно утром.

Итак, в одно из холодных февральских утр легендарный по своим работам в группе "Земляне" и "Союз" Игорь РОМАНОВ и его пассия Ирина ГАЙДАР подняли мне настроение своим безудержным желанием творить!

- Вас не остановить, Игорь. Вы - настоящий трудоголик, умеющий совмещать творческие способности с жесткой уверенностью внутри себя. Сначала были "Земляне", потом "Союз", далее ваш сольный проект, а теперь вот вы творите вместе с девушкой. Откуда эта идея?

ИГ: Ой, это большая история.

- А если рассказать ее лаконично?

ИГ: Вначале мы познакомились, и была романтическая история любви. Мы познакомились в Лондоне. Эта неожиданная встреча повернула колесо наших судеб.

ИГ: Это было 5 лет назад. Мы встретились в лондонском "Ройал колледж-мьюзик". Тогда я училась в юридическом институте, а Игорь приехал преподавать в этот самый колледж. Уроки мастер-класса.

ИР: Да, я приехал с целью провести несколько уроков. Потом на концерте гитариста Джо Сатриани, проходившем там 9 декабря, мы познакомились.

ИГ: Притянула родная русская речь.

- Великий и могучий русский язык... А как переросли чувства личные в чувства рабочие?

ИР: Мы потом отдыхали летом на юге, как-то вечером сидели, пели. Прислушались друг к другу и почувствовали хорошие голоса. В дальнейшем все это как-то забылось, но потом Ирина сказала мне, что есть какие-то песни, и предложила их записать. Мы жили по отдельности, и когда Ира приехала в Питер, мы решили попробовать. Почему бы и нет?

ИГ: Я приехала в Питер из Лондона, и мы приступили к работе.

- А что заставило вас вернуться из страны, где вас могла ждать более спокойная и стабильная жизнь, чем здесь? Все-таки юрист.

ИГ: Ностальгия. Да и притом мне кажется, что никакие материальные блага не восполнят человеку какие-то душевные переживания. И эти шесть лет плутаний по Лондону не сыграли никакой положительной роли.

ИР (неожиданно вступает в разговор): Но как же не сыграли. Ира! Это же жизненные уроки. Да и познакомились мы с тобой там.

- Что уже само по себе неплохо...

ИГ: Да. (Бурный, заразительный смех). Здесь мы и приступили к записи песен.

ИР: Это было полтора года назад. Композиция "Белая птица" (известная телезрителям по видео-

клипу, который вошел в ротацию буквально всех каналов. - Авт.) была записана одной из последних.

- Это чисто студийная работа или же мы сможем вскоре увидеть живое концертное исполнение?

ИР: Пока чисто студийная. Но ближе к лету мы намерены уже где-то выступать, потому что нереально год сидеть только лишь на студии.

- Вы это о чем? Об изнасиловавшем всех кризисе?

ИР: Да. По этим соображениям также.

- А позвольте проявить искреннюю заинтересованность. Все тексты, музыка - это ваше собственное сочинение?

ИР: Конечно, музыка и слова. Все мое.

- А кто выражал свой талант путем съемки и режиссуры?

ИР: Оператором был Максим Осадчий, а в роли режиссера - Гусев.

- Петербург всегда считался некой "колыбелью русского рока". Но я думаю, что ваши бывшие проекты "Земляне" и "Союз" как бы не вписывались в петербургскую жизнь. Вы всегда особняком стояли?

ИР: Мы вообще были одной из самых первых рок-групп, появившихся у нас. Это все началось в 79-м году, когда на афише нас официально представили как рок-группу. Ведь этот проект затевался как коммерческий, поэтому мы и стали работать официально. А до этого мы сидели в подвалах, играли в рок-клубе, но в дальнейшем вылезли из этих стен. Рок-тусовка завидовала нам, потому что мы первые работали официально, получали за это деньги и т.д. Когда я вышел из процесса, то я сделал это для того, чтобы оглянуться назад и понять, чего же мне не хватало на самом деле. Я хотел заняться самореализацией. В группе "Земляне" я был продюсером и в основном занимался записями на студии. Это сейчас принято называть продюсером человека, который занимается буквально всем, вплоть до покупки костюмов для музыкантов, а на Западе продюсер имеет больше отношение все-таки к музыке, чем к бытовой стороне дела. Вот я был таким продюсером.

- Продюсером с большой буквы. И чем же потом занимался продюсер?

ИР: Инструментальной музыкой и какой-то самореализацией того, чего мне не хватало в "Землянах" и в "Союзе". После того, как я ушел из этих групп, я записал три инструментальных альбома, и то, что я хотел сказать, я сказал.

- И сделали это достаточно талантливо.

ИР: сейчас я иногда играю вместе с группой "НЭП". А почему нет? Это какая-то другая грань музыки, и если у меня есть

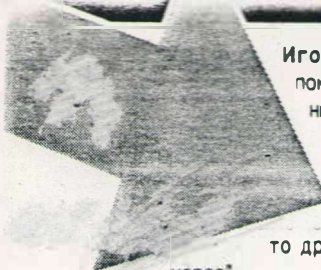
время, то я работаю вместе с ребятами. Это абсолютно другая музыка, которую я делаю с Ирой, которую делал вместе с "Землянами" и "Союзом". Мне кажется, музыкант вообще должен показывать себя с разных сторон.

- Ваш новый проект с Ириной все-таки выдержан в таком поп-интеллектуальном стиле. Не думали ли вы, что надо бы уже перебраться в Москву, и тогда самореализация наступит куда более быстро, чем вы думали, или вы боитесь столицы?

ИР: Почему же?

- Да потому, что затопчет она вас, если не будете сопротивляться. В вашей музыке присутствует какая-то питерская интеллигентность, чистота, а в Москве все это может превратиться в... сами знаете, во что. Ведь внешняя среда несет колоссальное воздействие на внутреннее содержание.

ИР: Нет. Мы пока здесь. А дела все равно делаются через Москву, где у нас есть директор, да и куда мы частенько приезжаем сами. В Москве нам помогла фирма "Арс". Мы пришли к

Игорю Крутому, показали ему песни, и ему понравилось. Он сказал: "Да, это совершенно что-то другое и что-то новое".

Да. Мы делаем поп. Но мы при этом соблюдаем жесткую грань и разделяем нашу музыку от откровенно жлобской. Мы не опускаемся до уровня публики. Мы изначально идем методом от противного.

– Воздействие на слушателя оказывается при помощи романтичности вашей музыки, чистоты, которой всем не хватает, или что-то еще есть, что способно пробудить человеческое ухо и заставить его слышать, а не слушать – "дьявольская разница"?

ИГ: Откровенность и вера в то, что ты делаешь. Ведь нельзя что-то просчитывать и складывать каждую деталь. Нужно просто творить, и публика почувствует эту откровенность, а фальшь, надуманность и холодный расчет сразу налицо.

– Да и притом недолговечно все это.

ИГ: Вот именно (царит всеобщий смех).

ИГ: Я хочу сейчас быть честным и не собираюсь делать какой-то лоходром только лишь для того, чтобы заработать на этом деньги. Я не собираюсь идти на какие-то компромиссы с собой, так как мне уже далеко не 15 и я хочу делать то, что я хочу.

– Но вам же и не 70, Игорь!

ИГ: Но тем не менее я уже достиг определенного профессионального уровня, когда можно делать так, как этого хочешь ты. На компромиссы я шел, работая в "Землянах", и это угнетало меня, работая с "Союзом", и это тоже не давало мне полностью раскрыться, потому что надо было под кого-то вечно подстилаться. А теперь я хочу быть самими собой.

– Но все-таки. Неужели вы такие самоуверенные? Сейчас огромное засилье рынка. Не возникает никаких сомнений?

ИГ: Ну, конечно. Сомнения возникают у всех.

– Если сомнения есть, то сомнений нет.

ИГ: Вот именно. Но при этом надо все равно двигаться. Мы будем двигаться.

ИГ: Другого пути не существует. Мы просто творим, а что из этого получится, а не у нас.

– Где вы творите?

ИГ: На студии.

– На какой?

ИГ: Есть достаточно известный в Питере звукорежиссер Игорь Павлов, с которым пишется Корнелюк, "Чай вдвоем" и Лайма Вайкуле. Записавшая на этой студии песню "Соломинка, держи". Студия называется "Мазстро".

– Возникают ли у вас проблемы с вашим профессиональ-

ном окружением: звукорежиссерами, стилистами, визажистами, к услугам которых вы прибегаете хотя бы пока на съемочной площадке. Бывают ли спорные ситуации между ними и вами, когда ваши понятия несоизмеримы с их?

ИГ: Да мы как-то сами все пытаемся придумать. Сейчас мы будем снимать новый клип на песню "Искушение", которая кардинально отличается от предыдущей вещи, и там мы все будем придумывать и разрабатывать сами.

– Так спокойней?

ИГ: Никто нас не может понять так, как понимаем себя мы.

– И это правильно. Только жесткая уверенность в себе.

ИГ: Да и вообще нас очень трудно понять и подстроиться под нас, потому что я стараюсь придерживаться эклектики, где одна песня поп, другая рок, третья написана еще в каком-нибудь другом стиле. Вот, например, произведение "Искушение" ближе к рок-музыке.

– Насколько актуально все то, чем вы занимаетесь во всеобщую эпоху засилья электронной музыки и жестокого эмбиента?

ИГ: Актуально.

– Это оптимистично.

ИГ: Все на своих местах. Все движется. Появляется что-то свое, новое или вспоминается хорошо забытое старое.

– Тогда как вам феномен Шуры, который довел до истерии буквально всех?

ИГ: Нам нравится.

ИГ: Очень. Это новый взгляд, новый образ, что-то свое. Все то, о чем я говорил.

ИГ: Вот если бы мы переехали в Москву, то тоже бы покрасили волосы (бурный смех), нарядились бы во что-нибудь.

– Подобно Шуре!

ИГ: Это комплимент.

ИГ: Но все же мы будем делать свое и оставаться собой. У нас есть для этого время и шансы. Ведь мы же не преследуем какого-то молниеносного коммерческого успеха, поэтому есть время сделать что-то не на один день.

– Но все же конкурентов не боитесь. Это

же как в спорте. Необходимо прийти к финишу первым.

ИГ: Почему? Ведь шоу-бизнес – это не спорт.

– Как это не спорт?

ИГ: Ну что-то, может быть, и есть от спорта. Но тут борьба идет только за свою индивидуальность. Главное, не повторить того, что было, или повторить, но пропустить это через себя.

ИГ: Пожалуй, главное, чтобы было лицо, и важно занять именно свою нишу. Ведь главное – не идея, а ее носитель в данное время.

– А кто помогает вам осуществлять свои творческие изыски? Меценаты, спонсоры или, может быть, вы сами?

ИГ: Есть близкие люди, родственники, которые решили помочь и сказали: "Что вы сидите? Надо работать".

– Вопрос к Ирине. Почему вы Гайдар?

ИГ: А эту тему мы давайте раз – и оставим. Такая будет пауза.

– Почему? Первая реакция у людей, которые узнают вашу фамилию, видимо, отрицательная. Эта фамилия достаточно одиозна и нелюбима в России в связи с фигурой Егора Тимуровича.

ИГ: Может быть. Но это моя природная фамилия.

– О! Я тут вспомнил еще про одну одиозную фамилию. Династия Романовых (нервный смех). Игорь, это-то что?

ИГ: Это стечение обстоятельств.

ИГ: Судьбоносный момент №2.

– Но какое-то уж очень надуманное это стечение обстоятельств. Тандем – Гайдар и Романов. Наверняка все просчитали.

ИГ: Но как же просчитали? Мы же говорили, что ничего нельзя просчитывать. Надо просто делать.

– Вот именно, что вы говорили...

ИГ: Все просто так случилось.

– О'кей! Вы еще не дрались из-за того, что Игоря показали больше на экране, а вас меньше. Каждый из вас личность со своими амбициями и заскоками. Как вы умеете находить компромиссы?

ИГ: Между нами происходит, конечно, какая-то борьба, но лишь на определенном этапе. Далеко стараемся не заходить. Иначе все рухнет.

– Надеемся, что этого не случится. Было очень приятно провести с вами это утро. Игорь, скажите, когда мы разговаривали с вами по телефону, то вы, сославшись на свою занятость, сказали, что работаете еще и на радио. Проясните ситуацию.

ИГ: Это питерское радио. Я оформляю различные передачи, находясь в должности музыкального редактора. Но это не музыкальное, как мы все привыкли думать, радио. У нас много литературных передач и т.д. Но у меня только закадровая творческая работа. На радио.

Антон ЖЕЛНОВ.

ИГОРЬ РОМАНОВ И ИРИНА ГАЙДАР. ГОСТИ ИЗ НАСТОЯЩЕГО